Цена мести

Автор:
Сара Крейвен

Цена мести

Сара Крейвен

Любовный роман – Harlequin #371

Тарн знакомится с Казом Брэндоном с единственной целью: отомстить. Каз обручился с ее названой сестрой, а потом бросил ее. Бедная девушка оказалась в психиатрической лечебнице. Тарн не предполагает, что, флиртуя с Казом, она сама влюбится в него.

Сара Крейвен

Цена мести

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Июль

Квартира была меньше той, которую он занимал прежде, но сейчас она почему-то показалась ему огромной. Гулкое эхо, разносившееся по почти пустым комнатам, отталкивало его, словно чужака.

Он стоял в дверях гостиной и смотрел на мебель, доставленную на прошлой неделе.

Два темно-зеленых дивана, стоявшие напротив друг друга, лакированный дубовый кофейный столик. Книжный шкаф, тоже дубовый, первый из трех, которые они заказали. Толстый кремового цвета ковер у изящно оформленного камина.

Очень небольшой набор. Но эти вещи они выбирали вместе и собирались добавить еще кое-что. Со временем.

Но времени нет. Больше нет.

Горло сжалось так, что он едва не задохнулся. Ему пришлось впиться ногтями в ладони, чтобы удержать рвущийся наружу крик.

А дальше по коридору – закрытая дверь спальни. Воспоминания, которые он не может себе позволить.

Собственно, он даже толком не знал, зачем пришел сюда. Видит бог, он не собирался это делать.

Брендан и Грейс настаивали на том, чтобы он пожил с ними, но он не вынес бы их сочувствия, каким бы искренним оно ни было.

Он сжал зубы, вспомнив щелканье камер и вопросы, которые выкрикивали ожидавшие у отдела регистрации браков журналисты, когда он спускался по лестнице. Один. Они ничего не упустили. Завтра все газеты прокричат об этом.

Но есть вещи более важные.

Конечно, придется кое-что предпринять. Освободиться от мебели. Выставить квартиру на продажу. Отказаться от номера в отеле на Багамах, от цветов и шампанского. И от яхты, на которой они собирались посетить ближайшие острова.

Прийти в себя после катастрофы, разрушившей жизнь, – совсем другое дело. Но с чего-то надо начинать.

Он повернулся и быстро прошел по коридору в комнату, в которой собирался устроить рабочий кабинет. Не путать со следующей комнатой, хотя в обеих уже стоят письменные столы, кресла и этажерки для папок.

Он опустил руку в карман и достал измятый листок бумаги, который носил с собой с того самого утра. Но не попытался вновь прочесть его. В этом не было необходимости. Он мог пересказать его по памяти, слово в слово. Он положил листок на стол, расправил, а потом разорвал на мелкие кусочки.

Хорошо. Теперь надо стереть все из памяти. Не так-то это просто, но он добьется. Должен добиться.

Он посмотрел на часы. Больше его здесь ничто не держит. Его ждет номер в отеле, пустой, безликий и безымянный. Никаких обедов вдвоем, шампанского со льдом, розовых лепестков на подушке. И сияющих глаз, с улыбкой смотрящих в его глаза.

Одна бутылка водки, один стакан и, будем надеяться, забвение.

По крайней мере до завтра, когда ему придется снова столкнуться с реальностью.

Глава 1

Прошлый апрель

– Вы не понимаете. Мне тут назначили встречу.

Голос девушки, хриплый от отчаяния, донесся до Каза Брэндона. Он отвернулся от людей, с которыми беседовал у стойки бара, раздраженно поднял брови и посмотрел на дверь. Увидел, кому принадлежал голос, и раздражение сменилось интересом.

Женщина лет двадцати пяти, среднего роста, стройная. Более чем привлекательная. Блестящие волосы цвета спелой ржи спускаются ниже плеч. На ней простенькое черное платьице без рукавов и воротника, но юбка заканчивается где-то посередине между бедром и коленом, так что видны украшенные бисером черные бархатные подвязки.

Казу все это понравилось. Он решил, что тут есть нечто интригующее. Пища для воображения. Но здесь и сейчас нельзя давать волю таким, пусть и очень приятным, мыслям: надо развлекать работающих на его компанию издателей из Европы и Южного полушария.

– К сожалению, сегодня здесь частный прием, мадам, и вас нет в списке приглашенных. – Джеф Стреттон, охранник, говорил вежливо, но твердо.

– Но меня пригласил… – она достала из сумочки визитную карточку, – Фил Хансон. Смотрите, он даже записал время и место. Хотел встретиться тут со мной. Позовите его, и он все подтвердит.

Джеф покачал головой:

– К сожалению, мистера Хансона тоже нет в списке. Боюсь, кто-то решил подшутить над вами. Извините, но я вынужден просить вас удалиться.

– Но он должен быть здесь. – В ее голосе слышалось отчаяние. – Он сказал, что может устроить меня на работу в «Брэндон организейшн». Потому я и пришла сюда.

Это Казу уже не понравилось. Спор с охранником грозил перерасти в публичный скандал. Если кто-то позволил себе воспользоваться названием его издательского дома, чтобы подшутить над девушкой, он не может это игнорировать. С этим надо разобраться.

Он улыбнулся, извинился перед гостями и пошел через зал.

– Добрый вечер, мисс… – начал он.

– Десмонд, – представилась она, чуть задыхаясь. – Тарн Десмонд.

Каз решил, что вблизи она еще милее, чем издали. Зеленые глаза блестели от готовых пролиться слез, нежные щеки разрумянились от смущения. А волосы были похожи на мягкий шелк.

– И с кем вы намеревались здесь встретиться? – спросил он мягко. – С неким мистером Хансоном? Он утверждал, что связан с «Брэндон организейшн»?

Она кивнула:

– Он говорил, что работает с неким Робом Веллингтоном в отделе персонала. И хочет представить меня ему.

Каз выругался про себя. Ситуация становилась хуже с каждой минутой. Он потихоньку кивнул Джефу, и тот незаметно удалился.

– Боюсь, у нас нет сотрудника по фамилии Хан-сон. – Каз помолчал. – Вы хорошо знаете этого человека?

Тарн прикусила губу:

– Не очень. Я познакомилась с ним на вечеринке несколько дней назад. Мы разговорились, я сказала, что ищу работу, и он предложил помочь. – И жалобно добавила: – Он был очень мил. Дал мне визитную карточку.

Каз мельком взглянул на карточку. Дешевый ширпотреб. Имя «Филипп Хансон» набрано вычурными буквами. И больше ничего. Даже номера мобильного телефона. Только время и место приема, написанные от руки на обороте.

Явный розыгрыш. Хотя непонятно, зачем Тарн Десмонд прислали именно сюда.

Он спокойно продолжил:

– Да, ситуация неприятная, мисс Десмонд, но не критическая. Мне искренне жаль, что вас дезинформировали. – Каз помолчал. – Я должен искупить это. Могу я предложить вам чего-нибудь выпить?

Она поколебалась, потом покачала головой:

– Спасибо, но будет лучше, если я сделаю то, что предложил мне ваш цербер – просто уйду.

«Гораздо лучше», – мрачно подумал Каз. И в то же время ему не хотелось, чтобы она уходила.

– Но не с совсем пустыми руками, надеюсь, – заметил он. – Если вы хотите работать в «Брэндон организейшн», почему бы вам не связаться с Робом Веллингтоном общепринятым образом и не поинтересоваться вакансиями? – Он улыбнулся, отметил, какая полная у нее нижняя губа, и услышал собственный голос: – Я позабочусь, чтобы он принял вас.

Брошенный на него из-под длинных темных ресниц взгляд был скептическим. Понятно, ей не хочется, чтобы ее опять разыграли. Можно ли осуждать женщину за это?

– Ну, еще раз спасибо. – Тарн направилась к выходу.

И в этот момент до Каза донесся аромат ее духов – нежный, сексуальный. И в нем что-то дрогнуло.

«Если она явилась с целью произвести впечатление, ей это удалось, – размышлял он, направляясь к бару. – Но этого недостаточно, чтобы убедить

руководителя отдела персонала, что она достойна работать в компании. Робу за сорок, он счастлив в браке и не чувствителен к женским чарам».

И он, Каз, тридцатичетырехлетний холостяк, должен выбросить мисс Десмонд из головы и заняться серьезными делами.

Но это оказалось труднее, чем предполагал Каз. Тарн, как и запах ее духов, оставалась где-то у границы его сознания даже тогда, когда прием давно закончился. Да и дома он продолжал вспоминать о ней.

Тарн вошла в квартиру, закрыла дверь, на минуту прислонилась к ней, закрыла глаза, сделала несколько успокаивающих вдохов и выдохов и только потом направилась в гостиную.

Делла, хозяйка квартиры, сидела на полу и покрывала лаком ногти на ногах. Увидев Тарн, она поинтересовалась:

– Ну, как все прошло?

– Легче легкого. – Тарн скинула туфли на высоких каблуках и упала в кресло. – Делл, я не могу поверить, что мне повезло. Я увидела его, как только вошла. – Она удовлетворенно хмыкнула. – Он почти сразу обратил на меня внимание. Излучал обаяние и сочувствие. Проглотил все и хотел еще. Это оказалось слишком просто. – Она достала из сумки визитную карточку и разорвала. – Прощайте, мистер Хансон, мой воображаемый знакомый. Вы очень помогли мне и вполне оправдали хлопоты по изготовлению визитки. – Она подняла глаза на Дел-лу. – Спасибо, что одолжила мне платье и вот это чудо. – Тарн покрутила на пальце подвязки. – Они поразили цель.

– Хм… – Делла состроила гримасу. – Я должна была бы тебя поздравить, но мне по-прежнему хочется кричать: «Не делай этого!» – Она закрыла пузырек с лаком и сурово посмотрела на подругу. – Еще не поздно. Ты еще можешь отступить. И никаких неприятностей.

– Никаких неприятностей?! – зло выкрикнула Тарн. – Не смей так говорить! Эви оказалась в этом проклятом месте. Ее жизнь разбита. И все из-за него.

– Ты несправедлива к «Убежищу», – спокойно заметила Делла. – Оно славится умением лечить такого типа привязанности и психические расстройства. Так что вряд ли это проклятое место. И очень дорогое, кстати, – задумчиво добавила она. – Меня удивляет, что миссис Гриффитс может позволить себе держать дочь там.

– По всей вероятности, Министерство здравоохранения обязывает их принимать бесплатно какое-то количество пациентов. – Тарн помолчала. – И не смотри на меня так. Хамелеон принес мне за несколько лет немало денег, но их не хватит на то, чтобы оплачивать пребывание Эви в элитной клинике. – Она прерывисто вдохнула. – Когда я увидела, в каком она состоянии, то поклялась, что заставлю его расплатиться за то, что он натворил. Сколько бы времени это ни заняло и чего бы ни стоило, – добавила она с яростью.

– Видишь ли, я имела в виду неприятности иного плана, – возразила Делла, ничуть не смущенная эмоциональным взрывом подруги. – Я думала о том, во что это может обойтись тебе.

– О чем ты? – насторожилась Тарн.

Делла пожала плечами.

– Тебе, вполне возможно, будет не так просто нанести смертельный удар и уйти, оставив нож у него в спине. Ты лишена инстинкта убийцы, дорогая. В отличие от нашей хрупкой малышки Эви. – Она подождала, пока ее слова дойдут до подруги, потом продолжила: – Во имя неба, Тарн, я знаю, что ты благодарна Гриффитсам за то, что они для тебя сделали, но ты с лихвой расплатилась с ними во всех смыслах. Неужели ты по-прежнему считаешь своим долгом мчаться сломя голову им на помощь каждый раз, как у них возникают проблемы? Надо же когда-нибудь сказать: «Хватит». И как это отразится на твоей карьере?

– Я всегда беру отпуск между окончанием одного проекта и началом другого, – заявила Тарн. – Ко времени заключения следующего договора все будет уже позади. – Она посмотрела на свои стиснутые кулаки. – И потом, я обещала дяде Фрэнку, когда он умирал, что буду заботиться о тете Хейзел и Эви, как он всегда заботился обо мне. Они решили взять ребенка из детского дома, потому что считали, что у них не может быть своих детей. Когда родилась Эви, они могли вернуть меня обратно. – Тарн вздохнула. – Но не сделали этого, и я думаю, это

было его решение, а не тети Хейзел. Я никогда не была послушной куколкой, которую она могла бы полюбить. Но я ее не осуждаю. У нее было немало хлопот из-за меня. Смерть дяди Фрэнка выбила их обеих из колеи. Я не могу не откликнуться, когда им требуется помощь.

– Ну, если Эви думала, что Каз Брэндон поможет ей и матери избавиться от депрессии, она жестоко ошибалась, – мрачно проговорила Делла. – Он не из тех мужчин, которые вступают в серьезные отношения с женщинами. Если хочешь знать, он этим славится. Тебе это было бы известно, если бы ты не работала за границей. А Эви живет здесь и должна была понимать, что он не жаждет идти к алтарю. – Она задумалась на секунду. – Я, конечно, защищаю дьявола, но… может быть, она просто его не поняла?

Наступило молчание. Наконец Тарн сказала:

– Делл, она страдает. Она верила этому негодяю, верила каждому его слову. – Тарн покачала головой. – Такое нельзя простить. Возможно, Эви была слишком наивна, но я только что видела его. Он – та еще штучка. Хищник из фильма ужасов. Сидит в засаде и караулит добычу. – Она хрипло рассмеялась. – Господи, он даже предложил мне выпить с ним.

– Но ты, конечно, отказалась.

– Конечно. Время еще не пришло. Но вскоре он узнает, что значит, когда тебя завлекают, а потом выбрасывают как мусор.

– Тарн, бога ради, будь осторожна. Каз Брэндон, возможно, способен насладиться и удалиться, но он не дурак. Не забудь, он унаследовал компанию на грани разорения и за семь лет превратил ее в процветающий международный издательский бизнес.

– Чем выше взлетаешь, тем больнее падать, – заметила Тарн. – А успехи в делах не делают его достойным человеком. Он должен усвоить, что нельзя взять что тебе нравится, а потом уйти. Рано или поздно придется платить по счетам. И я преподам ему этот урок. Ради Эви, – добавила она мрачно.

– Не хотела бы я быть на твоем месте. – Делла пожала плечами. – А теперь я собираюсь приготовить кофе.

Оставшись одна, Тарн откинулась на подушки и постаралась успокоиться. Кофе ей не нужен. Она и так слишком возбуждена. А ведь это только начало.

Теперь надо устроиться на работу в «Брэндон организейшн». По сравнению с этим сегодняшний вечер – просто прогулка.

«Но я добьюсь этого», – решительно заявила она себе. От этого зависит, будет ли Каз Брэндон публично унижен.

Его образ возник у нее перед глазами так ясно, словно он сам стоял перед ней. Высокий, широкоплечий, в элегантном вечернем костюме, с бесстрастным лицом. Большие глаза с длинными ресницами и прямыми бровями, нос и подбородок четко очерчены.

«Да, – подумала она, – я могу понять, почему Эви так быстро увлеклась им. Вероятно, он может быть неотразим, приложив минимум усилий».

И Тарн почему-то вздрогнула.

* * *

Ночью, поскольку сон не шел к ней, Тарн вспомнила, как тетя Хейзел позвонила ей в Нью-Йорк:

– Тарн, Тарн, это ты или твой противный автоответчик?

По тому, какое волнение слышалось в голосе ее приемной матери, она сразу поняла: что-то случилось. В последнее время тетя Хейзел звонила очень редко. Тарн решила, что она поглощена приготовлениями к свадьбе Эви.

– Это я. Что случилось?

– Эви! О господи, Тарн! Бедная моя девочка! Она приняла слишком много снотворного. Хотела убить себя.

Тарн пришла в ужас. Эви иногда бывала не в настроении, но попытка самоубийства… Невероятно.

– Тарн, ты меня слышишь?

– Да, – медленно ответила Тарн. – Но почему она это сделала? Судя по письмам, Эви была абсолютно счастлива.

– Ну, теперь она уже не счастлива. – Тетя Хейзел плакала, громко всхлипывая. – И никогда больше не будет. Он ее бросил, этот мужчина. Разорвал помолвку. У моей девочки нервный шок. Ее положили в какую-то клинику и никого к ней не пускают. Даже меня. Тарн, я схожу с ума. Ты должна приехать. Я не выдержу. Я сама свалюсь. Ты должна выяснить, что происходит в этом «Убежище». Может, с тобой они поговорят. Тебе это хорошо удается.

Если честно, с суицидом и умственными расстройствами ей никогда не приходилось иметь дело.

Вслух Тарн ласково сказала:

– Не волнуйтесь, тетя Хейзел. Я прилечу первым же рейсом. Но почему вы одна? Разве миссис Кемп-белл не может побыть с вами?

– Нет-нет, – быстро ответила миссис Гриффитс. – Мне же придется объяснять, в чем дело, а я не могу. Об этой свадьбе никто не знал, кроме нас. А Кемп-белл всем расскажет, что мою девочку выбросили, как мусор. Я этого не перенесу.

– Никто не знал? – удивленно переспросила Тарн. – Но почему?

– Они оба так хотели. Чтобы не было шума. – Миссис Гриффитс опять заплакала. – Кто мог подумать, что все закончится вот так?

«Действительно, кто?» – мрачно подумала Тарн, вешая трубку. И почему медиамагнат, глава издательского дома «Брэндон организейшн» скрывал свою женитьбу? Если только он вовсе не собирался жениться.

Тарн, не находя себе места от тревоги, заметалась по квартире.

В Лондон надо лететь завтра же, это ясно. Но как быть с Ховардом? Его не обрадует тот факт, что она не сможет поехать с ним во Флориду.

Тарн не знала, огорчает ли ее этот факт. Ховард Брентон работал в «Ван Хилден интернэшнл», компании, публиковавшей биографии знаменитостей, которые Тарн ловко составляла под псевдонимом Хамелеон. Там они и познакомились.

Ховард был веселым, симпатичным и нравился ей, но она сомневалась, что между ними может возникнуть нечто большее. Тарн старалась, чтобы их отношения оставались ни к чему не обязывающими, но понимала, что так не может продолжаться вечно.

Приглашение во Флориду предполагало переход на более интимный уровень. Она согласилась, в основном потому, что не нашла подходящего предлога для отказа. И решила дать себе и ему шанс.

В конце концов, чего она ждет? Принца Очарование, который примчится к ней на белом коне? Как к Эви, засыпавшей ее письмами, полными восторженных описаний достоинств Каза Брэндона, за которого та собиралась выйти замуж?

Кумир Эви оказался колоссом на глиняных ногах.

Почему все стало так плохо? И почему вдруг? Последнее письмо Эви с рассказом о многочисленных благородных акциях ее героя пришло около недели назад. Тарн готова была поклясться, что Эви не сомневалась: в будущем ее ждут одни розы.

Тарн заказала билет на самолет, оставила Ховарду на автоответчике сообщение с предложением встретиться в каком-нибудь баре и достала из стола письма Эви.

Писем было много, каждое на нескольких страницах. История отношений Эви и Каза, от их первой встречи в классической ситуации босс – секретарь до последней.

Тарн прикусила губу. Она сама не знала, почему хранила эти письма. Возможно, как доказательство того, что сказки случаются и в жизни. Если да, насколько

далека она была от истины?

Эви всегда любила все записывать. Она писала множество писем, с раннего детства вела дневник и сочиняла стихи обо всех своих детских увлечениях.

Тарн приготовила крепкий чай, села в кресло и начала читать.

«Я нашла фантастическую работу у фантастического человека, – писала Эви. – Его секретарша ушла в декретный отпуск, и я надеюсь все это время работать на ее месте. А потом – кто знает?»

Тарн обрадовалась, что Эви наконец нашла работу, которая ее устраивает. Сестре было нужно одно – босс привлекательной наружности.

В следующем письме не было ничего особенного, зато третье буквально дышало радостным возбуждением. Божественный босс попросил Эви поработать во время ланча и заказал бутерброды, которыми поделился с ней.

«А что еще ему оставалось делать? Есть их у нее на глазах?» – с иронией подумала Тарн.

«Он задал мне множество вопросов, хотел знать, что мне нравится, чего я хочу добиться в жизни, – продолжала Эви. – С ним очень легко разговаривать. И его глаза улыбаются».

Тарн вспомнила, как радовалась, читая все это в первый раз.

Любопытства ради она посмотрела все, что есть о Казе Брэндоне в Интернете, и вынуждена была признать, что он обладал всем, о чем писала Эви. Может быть, и кое-чем еще. «И как я могла не понять, кто он на самом деле? – спрашивала себя Тарн. – Циничный сердцеед, играющий чувствами наивной девочки».

На следующей неделе герой Эви уже не был мистером Брэндоном, а стал просто Казом.

«Каз повел меня после работы в замечательный бар, – сообщала Эви. – Это было похоже на сказку, со всеми этими знаменитостями и журналистами. И он меня

им представил. Я сама не знала, во сне это или наяву».

Последующее приглашение на обед казалось закономерным. Эви детально описывала ресторан, блюда, которые им подавали, вина, которые они выбрали.

«Как ребенок в магазине игрушек», – вздохнула Тарн.

А игрушки продолжали появляться каждый день. Обеды вдвоем, приглашения в театр, в кино, на концерты.

Затем романтические выходные на природе.

«Конечно, я не смогу продолжать у него работать, – писала Эви. – Каз строго придерживается правила не смешивать служебное и личное. Так что меня переводят в другой департамент. А еще он готовится перевезти меня в отдельную квартиру».

Несколько недель писем не было, потом Эви написала опять: «Тарн, мы помолвлены. Он подарил мне кольцо с огромным бриллиантом. Правда, я не могу носить его на работе, потому что мы не должны афишировать наши отношения. Я не могу поверить, что Каз выбрал именно меня. Все его прежние подруги были богатыми и знаменитыми. Но он захотел разделить свою жизнь со мной».

«Ну, это понятно, – подумала тогда Тарн, игнорируя свои сомнения относительно столь бурного романа. – Эви очень хорошенькая, любой мужчина способен в нее влюбиться. А от ее простодушия человек, привыкший к капризным властным дамам, возможно, испытывает облегчение».

«У него замечательная квартира, – писала Эви. – Пентхаус, откуда виден весь Лондон, а кровать огромная. Я сказала ему, что он может потерять меня в ней. А он ответил, что как бы далеко от него я ни оказалась, он меня все равно найдет. Это великолепно!»

Следующие письма были полны свадебных планов. Какое у Эви будет платье, какие цветы, где они проведут медовый месяц. В свое время все это радовало Тарн, теперь раздирало ей душу.

«Быть с Казом – это словно видеть самые сладкие сны наяву. Как мне повезло!»

Только теперь Эви больше не везет. Она поняла, как быстро сладкие сны могут превратиться в ночной кошмар.

Тарн смотрела на кипу бумаг у себя на коленях и думала об Эви, тоненькой, стройной, с массой светлых волос и огромными голубыми глазами. Неожиданный, поздний ребенок, которого родители обожали. Ей прощали все шалости, старались исполнить все ее желания. И она ждала того же от мужчины, который говорил, что любит ее.

Как бездумно и жестоко!

У Тарн сжималось горло, ей хотелось плакать. Но этим Эви не поможешь. Надо быть сильной, надо дать разгореться искре злости, которая зародилась в ней.

И она произнесла вслух, ясно и четко:

– Ты сломал ее жизнь, мерзавец. Но даром это тебе не пройдет. Потому что я найду способ сделать с тобой то же самое.

Сегодня она сделала первый шаг к тому, чтобы сломать жизнь Каза Брэндона.

Глава 2

«Убежище» располагалось в большом красном кирпичном доме, стоявшем посреди огромного двора.

Когда Тарн приехала туда в первый раз, она, увидев людей на солнечных лужайках, решила, что это больше похоже на загородный отель, чем на больницу. Но потом разглядела, что почти все эти люди одеты в белые куртки и брюки – обычную форму медицинского персонала.

Когда же Тарн вошла внутрь, впечатление покоя и уюта исчезло. Она знала, что ей с большой неохотой разрешили навестить Эви. Но не ожидала, что ее проведут в маленькую комнату, отберут сумку, заверив, что, уходя, она получит ее обратно, и подвергнут чему-то вроде беглого обыска, а потом проводят наверх для беседы с директором клиники, профессором Вайнрайтом.

Протесты Тарн не произвели никакого впечатления на седого бородатого человека, сидевшего за большим письменным столом.

– Мы должны думать о покое и благополучии вверенных нашим заботам пациентов, мисс Гриффитс, а не о ваших чувствах, – сказал он сурово.

Тарн решила не сообщать профессору, что он неверно назвал ее имя, и холодно посмотрела ему в глаза:

– Надеюсь, вам не придет в голову, что я могу причинить вред моей сестре.

Он открыл лежавшую перед ним папку:

– Вы выросли в приемной семье, как я понимаю.

– Это имеет значение?

– Это одно из обстоятельств, которое должно быть учтено, – ответил профессор и немного помолчал. – Я думаю, вам объяснили условия посещения.

Тарн прикусила губу.

– Я не должна спрашивать у Эви, что с ней случилось и почему, – холодно ответила она. А про себя добавила: «И не нужно. Ее письма рассказали все, что мне надо знать. Но вам, доктор, об этом знать не надо».

– Правильно. – Профессор Вайнрайт посмотрел на нее поверх очков без оправы. – К сожалению, мы вынуждены были временно запретить матери мисс Гриффитс навещать ее. Она – очень возбудимая, эмоциональная женщина, и ее присутствие вредит пациентке.

– Кому-нибудь еще разрешено навещать мою сестру?

– Н-нет. – Он закрыл папку. – Список может быть изменен, когда она начнет поправляться. – Профессор нажал кнопку звонка. – Сестра Фарлоу проводит вас к ней.

В дверях Тарн остановилась:

– Я принесла сестре ее любимые шоколадные конфеты. Они остались в сумке, которую у меня отобрали. Но мне хотелось бы отдать их ей.

– Боюсь, приносить что-либо съедобное пока не разрешается. В дальнейшем вам надо справляться, можете ли вы принести сестре тот или иной подарок.

Тарн решила, что это место больше напоминает тюрьму, чем клинику, и что с Эви обращаются как с арестанткой, а не с пациенткой.

Неужели они не понимают, что с ней случилось? Что богач без совести и чести соблазнил ее, а потом бросил, когда Эви ему надоела. И что она попыталась лишить себя жизни от отчаяния.

У двери палаты медсестра бросила на Тарн предупреждающий взгляд:

– В первый раз вам разрешено пробыть здесь пятнадцать минут. Затем я приду за вами. – Она открыла дверь. – К вам пришли, дорогая. – И подтолкнула Тарн вперед.

Тарн ожидала увидеть подобие тюремной камеры с решетками на окнах. Вместо этого она оказалась в уютной комнате с современной мебелью, морскими пейзажами на стенах и светло-синими занавесками. Эви лежала в постели с закрытыми глазами, и Тарн, увидев ее, пришла в ужас.

Волосы слиплись, лицо осунулось, тело под голубым одеялом как будто съежилось.

«Хорошо, что они не пускают сюда тетю Хейзел, – подумала Тарн. – Она постоянно билась бы в истерике. Я сама вот-вот расплачусь».

У окна стояли два кресла. Тарн пододвинула одно к кровати и села.

Несколько минут царило молчание, потом Эви хрипло спросила:

– Каз? Каз, это ты? Ты пришел, наконец?

Тарн не сразу смогла заговорить – настолько переполняли ее злоба и жалость.

Потом она взяла руку сестры:

– Нет, родная. Это я.

Веки Эви медленно поднялись. Ее глаза казались странно бледными, словно обесцвеченными нескончаемыми потоками слез.

Эви тихонько вздохнула:

– Тарн. Я знала, что ты придешь. Ты должна вызволить меня отсюда. Они не отпускают меня, хотя я все время прошу об этом. Мне говорят, что, если я хочу поправиться, я должна забыть Каза. Забыть, как сильно я его любила. Признать, что между нами все кончено. Но я не могу, не могу. Они дают мне что-то, чтобы я успокоилась. Чтобы спала. Но я вижу его во сне. Мне снится, что он все еще мой. – Ее пальцы с силой сжали руку Тарн. – Я не хотела жить без него. Ты должна понять. Тебе известно, что он для меня значил. Ведь я связала с ним будущее.

Тарн спокойно произнесла:

– Покончить с собой – не решение проблемы, поверь. – Она помолчала. – Эви, ты очень красивая девушка, ты встретишь другого человека, хорошего, честного. Он полюбит тебя и искренне захочет делить с тобой жизнь.

– Но я хочу Каза. – Эви еще сильнее сжала руку сестры. – Я отдала ему все. Как он мог бросить меня?

– Не знаю. – Тарн осторожно высвободила руку. – Но нам не стоит говорить об этом, иначе ты разнервничаешься. Если они узнают, то больше не разрешат мне к тебе приходить.

– А у меня кроме тебя никого не осталось. – Эви упала на подушки. Ее лицо побледнело. – Каз никогда сюда не придет, правда? Я ждала, ждала, но этого не будет. Теперь я знаю. – По ее щеке поползла слеза. – Как он мог так со мной поступить? Повернуться и уйти, будто я ничего не значу?

Тарн чувствовала, как ярость охватывает ее, и, чтобы вернуть контроль над собой, впилась ногтями в ладони.

– Но ты значишь, – возразила она с дрожью в голосе. – Очень скоро он поймет, как много ты значишь, и ему будет хуже, чем можно себе представить. – Она протянула Эви платок. – А теперь вытри глаза и постарайся сделать вид, что мой визит принес тебе пользу. Когда я приду в следующий раз, мы серьезно поговорим о том, как нам поступить с Казом Брэндоном.

За ужином она спросила:

– А что вы думали о женихе Эви, тетя Хейзел? Не казалось ли вам иногда, что у них не все хорошо?

Приемная мать положила нож и вилку и посмотрела на Тарн.

– Но я никогда его не видела, – призналась она. – Я знала все только со слов Эви, а она боготворила его.

– Никогда не видели? – медленно повторила Тарн. – Но как же так? Вы хотите сказать, что она никогда не приводила его домой?

– Ну, вряд ли она стала бы это делать, – сердито заметила миссис Гриффитс. – Он привык к роскоши, а у нас простой маленький дом. Но они хотели пышно отпраздновать помолвку. Тогда я и должна была познакомиться с ним.

– Понимаю, – протянула Тарн, хотя на самом деле ничего не понимала. – И вас это устраивало? – поинтересовалась она, секунду поколебавшись.

– Пока моя девочка была счастлива, и я была счастлива, – отрезала миссис Гриффитс.

Теперь у Тарн появилась пища для размышления на остаток вечера.

Когда Тарн через несколько дней вновь приехала в «Убежище», профессор, к ее удивлению, встретил посетительницу с холодной улыбкой:

– Думаю, вы найдете, что вашей сестре стало немного лучше. Она очень хочет повидать вас. – Он помолчал. – Но вы еще некоторое время будете ее единственным гостем. Просил ли вас кто-нибудь что-то ей передать? Если да, могу я знать, кто и что?

– Мать Эви просила передать, что любит ее, – ответила Тарн, гордо вскинув голову. – Надеюсь, это разрешается?

Профессор опять поколебался, потом ответил:

– Конечно.

И вызвал сестру Фарлоу.

Эви сидела в кресле у окна. Ее недавно вымытые волосы чуть вились, на щеках появился слабый румянец.

– Ну, – сказала Тарн, целуя сестру в щеку, – если так пойдет дело, ты очень-очень скоро выйдешь отсюда.

– Хорошо бы, – со вздохом проговорила Эви. – Но мне ясно дали понять, что надеяться на это не стоит. Так бывает, когда совершаешь безумные поступки. И все из-за него. – Она ударила кулаком по ладони. – Надо было быть сумасшедшей, чтобы верить ему. Я должна была понять, что он просто играет. – Ее голос дрогнул. – О господи! Я должна была убить его, а не себя. Ты считаешь,

надо причинить ему боль? Этого мало. Мне нужно, чтобы он перестал хотеть жить.

– Может быть, нам удастся и это. – Тарн села в кресло напротив. – Но успокойся, родная, потому что я хочу кое о чем спросить тебя.

Эви пристально посмотрела на нее и прикусила губу:

– О чем?

– Что ты рассказывала ему? О твоей маме? Обо мне?

– Ничего. Он никогда не хотел говорить о семейных делах.

– Тебе это не показалось странным? – осторожно спросила Тарн.

– Таков его стиль, – пожала плечами Эви. – И я приняла его. А почему ты спрашиваешь?

– Потому что, если он не знает о моем существовании, мне будет проще, когда мы встретимся.

– Ты хочешь встретиться с ним? – Эви напряглась и побледнела. – Нет, ты не можешь. Ты не должна. Ты… ты не знаешь, что он собой представляет.

– Но именно это я и хочу узнать, – сообщила Тарн. – Я должна все выяснить о нем, чтобы причинить ему вред. Надо найти его ахиллесову пяту. Она непременно должна быть. Она есть у всех. – Тарн помолчала. – Ты уверена, что никогда не упоминала обо мне? Не называла ему мое имя?

– Нет, никогда. – Эви покачала головой. – Зачем? – Она вздрогнула. – Все равно, держись от него подальше, Тарн. Это небезопасно. Он… У него могущественные друзья.

– Я не собираюсь идти на ненужный риск. То, что он не знает, кто я, дает мне преимущество. – Тарн старалась ободрить сестру, хотя в душе была потрясена предупреждением. Ведь Каз Брэндон и сам по себе могуществен. – Но если я

хочу причинить ему такую боль, какую он причинил тебе, я должна сблизиться с ним. Понять, куда надо ударить, чтобы ранить глубже.

– Ты сможешь это сделать? – тихо спросила Эви. – Тогда, наверное, безумна ты, а не я.

– Я могу, по крайней мере, попытаться. – Тарн поколебалась. – Я не собираюсь ничего рассказывать твоей маме. Это наш с тобой секрет. И я не останусь на Вилмонт-Роуд. Перееду к подруге.

– Ты в самом деле собираешься это сделать? – Эви беспокойно заерзала, ее лицо побледнело. – Лучше бы я вообще не упоминала о нем, – добавила она жалобно. – Ну вот, у меня начинает болеть голова. Тебе лучше уйти.

– Да, конечно. – Тарн встала, с тревогой посмотрела на сестру и ласково произнесла: – Эви, этому человеку надо объяснить, что нельзя шагать по головам людей. То, что он с тобой сделал, привело к ужасным последствиям, и я не могу это простить. Ты сейчас не можешь нанести ответный удар, а я могу. – Она постаралась изобразить веселую улыбку. – И тебе не о чем волноваться.

– Ты думаешь? – Эви пожала плечами и отвернулась к окну. – Это потому, что ты его не знаешь.

И она опять вздрогнула.

Каз узнал ее волосы. Правда, сейчас они не падали свободно на плечи, а были заплетены в толстую косу, завязанную голубым бантом, под цвет брючного костюма. Но все равно нельзя было не узнать этот золотисто-каштановый оттенок.

Он никак не ожидал опять увидеть ее, но вот она тут, входит в лифт, сосредоточенно нахмурившись, не замечая, кажется, ничего вокруг.

– Мисс Десмонд, не так ли?

Девушка удивленно подняла глаза:

– О! – Она прикусила губу. – Это вы. Извините, я в тот вечер не поняла, кто вы такой, мистер Брэндон. Мне очень неловко.

– Забудьте об этом. – Каз лукаво улыбнулся. – Я не хочу причинять вам беспокойство, но это личный директорский лифт, и если вас в нем заметят, то могут сделать выговор.

– О боже. – Тарн покраснела. – Кажется, меня предупреждали об этом, но я забыла и села в лифт, который пришел первым. Еще раз извините.

– Как я понимаю, вы теперь тут работаете.

Она кивнула:

– С понедельника. – Ее взгляд был одновременно робким и веселым. – Я последовала вашему совету и подала заявление обычным образом. Мистер Веллингтон был так любезен, что взял меня на работу. Временно. – Она замялась. – Мне лучше сойти на втором этаже, чтобы обойтись без выговора.

– Оставайтесь, – предложил он. – Если кто-нибудь заметит, отправьте его ко мне, а я объясню, что мы возобновили старое знакомство.

– А… – Она нажала какую-то кнопку на пульте лифта. – Думаю, лестница удобнее. – И добавила: – Сэр.

Двери лифта открылись, Тарн коротко улыбнулась и исчезла.

Каз подумал, что следовало бы издать закон, запрещающий девушкам с такими ногами приходить на работу в брюках. Еще он подумал, что наверняка существует закон, приравнивающий такие мысли к пассивному сексуальному домогательству, и скривил губы.

«Тише, мальчик, – приказал себе Каз. – Иначе ты нарушишь твое собственное золотое правило о служебных романах. Если тебе требуется женское общество, позвони Джинни Фрезер и спроси, может ли она с тобой пообедать».

Он позвонил, и Джинни могла, и на этом все должно было бы кончиться.

И все-таки за ланчем в директорской столовой Каз неожиданно для себя самого заметил, как бы невзначай:

– Я сегодня столкнулся с вашей новенькой, Роб.

– Вряд ли это мое приобретение, – сухо заметил управляющий персоналом. – Вы сообщили, что от нее может поступить заявление, и я уловил намек.

Каз с удивлением уставился на него:

– Я не говорил ничего такого.

Роб Веллингтон усмехнулся:

– Не беспокойтесь. Лори первой пообщалась с девушкой и доложила, что ее квалификация гораздо выше той, которая требуется для имеющихся у нас вакансий. Надо быть сумасшедшим, чтобы ее упустить. Теперь она работает помощником редактора в журнале «Все ваше» вместо Сьюзан Элис, ушедшей в декретный отпуск. – Он налил себе еще кофе. – Судя по отзывам из Нью-Йорка, мисс Десмонд могла бы одна вести весь журнал.

Каз удивленно поднял брови:

– Если она добилась таких успехов на Манхэттене, почему оказалась в Лондоне, на низшей ступеньке, и работает за сравнительно небольшие деньги?

– Я задал ей этот вопрос, – заметил Роб. – Она объяснила, что вернулась домой, потому что кто-то из родных тяжело заболел, и решила немного задержаться тут. – Он помолчал. – Она очень хотела работать у нас. У нее какие-то особые мотивы?

– Возможно, мы должны быть просто польщены. – Каз задумался. – Вам знаком некий Филипп Хансон? Он никогда не работал у нас?

Роб нахмурился:

– Кажется, нет, но я должен просмотреть документы.

Каз отодвинул стул и встал:

– Забудьте об этом. У вас много других дел.

И ему тоже следует забыть об этом. В качестве шага в этом направлении он попросил своего личного секретаря послать Дженни Фрезер букет цветов.

Тарн выключила компьютер, откинулась на спинку кресла и расправила плечи. У нее было несколько напряженных часов, но она хорошо справилась с порученной работой, и это не замедлят признать.

«Странно, что мне это небезразлично», – подумала она.

В других обстоятельствах Тарн была бы в восторге от работы во «Все ваше». Ее коллеги были дружелюбными, знающими людьми, ей нравилась Лайза Гастингс, выпускающий редактор.

Лайза, пролистав какую-то рукопись, с тоской воскликнула:

– О боже, кто-нибудь, скажите мне, что это шутка!

– Что случилось? – спросила Тарн у Кейт, которая трудилась над макетом журнала.

Кейт подняла глаза к небу:

– Вы слышали об Аннетте Кармайкл, звезде мыльных опер? После того как ее рейтинг на телевидении упал, она решила взяться за перо. Ей обещали бешеные деньги за первый роман, непредвзятое описание секретов телевизионной кухни. – Кейт усмехнулась. – Так вот, Бриджит, которая работала тут до Лайзы, решила, что будет здорово, если Аннетта напишет для нас небольшой рассказ за щедрое вознаграждение. Рассказ был сдан гораздо позже срока и оказался куда короче, чем принято.

– Я бы с удовольствием бросила эти бумажки ей в лицо и предложила все переделать, – с отчаянием заявила Лайза. – Но она уехала куда-то и, как говорит ее агент, «некоммуникабельна». А рассказ нам нужен. Мы уже объявили, что для нас пишет «Аннетта, новейшее открытие в мире художественной литературы». – Она хмыкнула.

– А что вас не устраивает? – спросила Тарн.

– Кроме бледного начала, скучной середины и непонятного конца? – простонала Лайза. – Это надо переписать целиком, а сегодня день рождения моего сынишки, и я поклялась мужу, что вернусь домой пораньше.

– Можно я попробую? – нерешительно предложила Тарн. – Мне уже приходилось выполнять такую работу.

Лайза вперила в нее удивленный взгляд:

– Вы серьезно? Даже если вы просто исправите грамматику и орфографию, это уже огромное дело.

Тарн вернулась за свой стол, просмотрела рукопись и застонала. Точь-в-точь как говорила Лайза. Сплошной кошмар.

Но она вспомнила пространные корявые автобиографии и бессвязно написанные мемуары, которые она превращала в нечто читаемое и продаваемое.

Рассказ, по крайней мере, был коротким. И за нагромождением вычурных фраз просматривалась его суть.

«Я никогда не работала с художественной литературой, – размышляла Тарн. – Это нечто новое. Но завтра Лайза получит готовый рассказ».

Сотрудники расходились, когда она начала работать, а когда закончила, в здании было темно и пустынно.

Тарн распечатала последний вариант, скрепила листы и отнесла Лайзе на стол. Потом вернулась к себе, на ходу заправляя белую кофточку в серую юбку, и села за стол допивать кофе.

С тех пор как две недели назад она устроила встречу с Казом в лифте, ей не удавалось увидеть его даже мельком.

Она была уверена, что он находит ее привлекательной. Но не делает никаких шагов навстречу. А в офисе ходили разговоры, что его отношения с Джин-ни Фрезер достаточно серьезны.

Кроме того, ее предупредили, что Каз никогда не заводит романы на работе. Из чего следовало, что он очень хотел добиться бедняжки Эви. А если он однажды пошел наперекор своему сомнительному принципу, можно заставить его сделать это еще раз.

Однако Тарн вспомнила старый рецепт приготовления рагу из зайца, который начинался словами: «Прежде всего поймайте зайца».

Пора навестить Эви, но она хотела прийти к ней с хорошими новостями. А кто знает, когда они появятся?

Когда Тарн шла по коридору к лифту, знакомый мужской голос спросил:

– Сверхурочная работа, мисс Десмонд?

Тарн испугалась, словно ей вдруг явился призрак. Она резко обернулась и уронила сумочку.

Только что девушка спрашивала себя, не тратит ли она время зря, и вот Каз Брэндон стоит перед ней в пустом коридоре. Неужели ее мысленный призыв сработал?

– Вы испугали меня, – ответила она хрипло.

– Я забеспокоился, вернувшись за кейсом и увидев на этом этаже свет. Чем вы занимаетесь так поздно?

– Сверхурочной работой. – Тарн опустилась на одно колено и стала собирать рассыпавшееся содержимое сумочки. – Но не беспокойтесь. Это добровольно и бесплатно. Мне очень хотелось завершить одно дело.

– Хотелось – не то слово, – сухо заметил Каз, протягивая ей откатившуюся к его ногам губную помаду. – Вам что, мало рабочего дня? Или вы не можете найти лучшее занятие по вечерам?

– Как правило, могу. – Тарн встала и застегнула сумочку. – Сегодняшний вечер – исключение.

Она понимала, что все делает не так, но неожиданное появление Каза выбило ее из колеи.

Кроме того, она чувствовала себя неопрятной в одежде, которую носила целый день. И не догадалась прыснуть на себя духами или подкрасить губы.

А мистер Брэндон выглядел элегантно в темном костюме и ярко-красном шелковом галстуке.

«Это мой шанс, – сказала она себе. – Другой может не представиться. И получится, что я зря теряла время. Я столько раз репетировала такую встречу, а сейчас, как ни смешно, не знаю, что говорить. И что делать.

– У вас усталый вид. Когда вы ели в последний раз? – поинтересовался Каз.

– За ланчем.

– Тогда я приглашаю вас поесть. И выпить. Недалеко есть итальянский ресторанчик.

– Нет, пожалуйста, со мной все в порядке. – Это то, чего она добивалась, но голова, похоже, отказывается работать. – Я не хочу доставлять вам беспокойство.

Он пожал плечами:

– Никакого беспокойства. Считайте это вознаграждением за преданность фирме. – Каз помолчал. – Ну что, идем?

И Тарн произнесла каким-то не своим голосом:

– Если так, да, пожалуйста.

Глава 3

Тарн шла рядом с Казом по освещенной фонарями улице. Это было именно то, чего она так желала, к чему стремилась. Но теперь, когда судьба неожиданно улыбнулась ей, инстинкт кричал, что надо бежать. Немедленно.

Когда они приблизились к краю тротуара, Тарн споткнулась. Каз мгновенно подхватил ее под руку.

– Осторожно, – предупредил он.

Тепло его прикосновения между тем проникало сквозь ткань ее жакета.

Тарн пробормотала слова благодарности. Ей очень хотелось высвободить руку, но она не решалась и злилась на себя за неловкость и за странные электрические искорки, которые, несмотря на неприязнь к Казу, побежали по ее коже.

«О, я буду осторожна, – подумала она, задыхаясь. – Видит бог, я буду очень осторожна».

Наконец они добрались до «Траттории Джулиана».

В ресторане было людно. В воздухе стоял соблазнительный запах чеснока и специй. Хозяин любезно улыбнулся Казу и провел их к столику в углу, на котором тут же появились бутылка и два бокала.

Тарн почувствовала, к своему стыду, что у нее текут слюнки.

Каз поднял свой бокал:

– Salut.

Тарн неуверенно повторила тост и была очень рада, когда принесли меню.

Просматривая список блюд, она корила себя: «Если он находит тебя привлекательной, извлеки из этого все, что можешь. Разговоры о том, что Каз не заводит связей на работе, – пустая болтовня. Эви не была исключением. Теперь это совершенно ясно. Но поскольку твоя задача – заставить его мучиться, как он того заслуживает, надо, чтобы ты ему не просто нравилась. Он должен желать тебя так страстно, чтобы это стало для него чем-то вроде болезни, лекарство от которой ты ему так и не дашь. Ведь ты умеешь держать мужчин на безопасном расстоянии. Кроме того, он босс, а ты – мелкая служащая в одном из его многочисленных журналов. Так что дистанция вполне оправданна. А пока стоит занять дружелюбную позицию».

Тарн вздохнула и посмотрела на Каза. Ее глаза улыбались из-под густых ресниц.

– Я, честно говоря, растерялась. Такой выбор! Вы часто обедаете здесь. Что бы вы рекомендовали?

Он тоже улыбнулся:

– Вы любите телятину?

– У меня нет серьезных предпочтений в еде.

Каз заказал обед и бутылку вина.

– Итак, – начал он, когда официант ушел, оставив на столе нарезанный хлеб и оливковое масло, – вам, кажется, нравится работа во «Все ваше». А сам журнал вам нравится?

Тарн задумалась:

– По-моему, он успешно решает задачи, которые стоят перед ним.

– Действительно, так было, – согласился Каз. – Но предыдущий главный редактор очень хотел привлечь молодых читателей. – Он отпил глоток вина. – В результате тираж упал.

– А, так вот почему мне пришлось переписывать рассказ Аннетты. Он предназначался молодым читателям.

Каз удивленно поднял брови:

– Переписывать? Это находится в компетенции помощника редактора?

– Любая переделка улучшит то, что она представила, – заверила его Тарн, мысленно выругав себя. – Но окончательный лоск наведет, конечно, Лайза.

– Я не порицал вас. Я заинтересовался. – Каз пододвинул кувшинчик с маслом ближе к ней. – Попробуйте-ка с кусочком хлеба. У вас такой вид, словно вы вот-вот упадете в обморок от голода.

Вот и легендарная забота. Тарн подавила ярость. Она обмакнула хлеб в масло. Это действительно был очень милый ресторан. Столики, покрытые белоснежными скатертями, стояли достаточно далеко друг от друга, и посетители чувствовали себя свободно.

Возможно, в первый раз он привел Эви именно сюда. И спросил, как ей нравится ее работа.

И Эви, конечно, растаяла. Она не часто попадала в такие места и наверняка с восторгом оглядывалась. Бедной девочке не верилось, что она оказалась в таком красивом ресторане с таким красивым мужчиной.

А теперь он ведет ту же игру с Тарн. Смотрит на нее и решает, стоит ли продолжать знакомство.

Каз задумчиво протянул:

– Тарн. Очень милое имя. И необычное.

– Да, – ответила она. – Слишком необычное. Не многих девочек называют в честь горного озера. В школе меня прозвали Мокрушка.

Каз поднял брови:

– Такое прозвище вам совершенно не подходит. И как же вы реагировали?

– Никак. – Тарн пожала плечами. – Делала вид, что меня это не трогает. Надеялась, ребятам надоест шутка. Но прозвище прилипло ко мне надолго.

Каз спросил:

– А вы никогда не говорили родителям, в какую ситуацию из-за них попали?

– Нет. – Тарн помолчала. – А откуда взялось имя Каз?

Он вздохнул:

– Вы не единственная жертва. Я родился шестого января, и моя мать захотела назвать меня в честь одного из трех волхвов. Хорошо еще, что она выбрала Каспара, а не Балтазара или Мельхиора. – Каз улыбнулся. – Это первое, что у нас есть общего.

– И, возможно, единственное. – Тарн сумела придать голосу оттенок легкого сожаления.

– Почему вы так думаете?

– Разве это не очевидно? – Она пожала плечами. – Вы владеете компанией, я в ней работаю.

– И вы считаете это непреодолимым препятствием для более близкого знакомства?

– Думаю, так должно быть. – Тарн задумчиво посмотрела на него. – Признайтесь честно, вы тоже так считаете.

Каз заговорил медленно, а его тонкие пальцы играли с ножкой бокала так, что у Тарн почему-то пересохло в горле.

– Если вы хотите знать, часто ли я приглашаю на свидания своих служащих, я категорически отвечу «нет». – И добавил: – А потом, у нас не свидание.

Она покраснела:

– Конечно нет. Я это понимаю.

– Но в следующий раз будет свидание.

И тут им принесли еще вина и заказанные блюда.

Тарн осталось только подавить возглас удивления и спросить себя: не ослышалась ли она?

События развивались слишком быстро. А это не входило в ее планы. Она должна была держать ситуацию под контролем. Она, а не он.

Тарн постаралась сосредоточиться на телятине под великолепным соусом, но, к своему удивлению, обнаружила, что время от времени бросает на Каза взгляды из-под полуопущенных ресниц. Какими бы ни были ее истинные чувства, она не могла не признать, что реагирует на него. На его губы, руки, улыбку, мелькающую в глазах…

Но все это было под запретом.

Они беседовали. В любой другой ситуации это был бы обычный обмен мнениями о книгах, музыке, театре. Однако Тарн казалось, что она идет по минному полю.

«Не будь параноиком, – уговаривала она себя. – Разве это тайна за семью печатями, что ты предпочитаешь Баха Генделю, а Моцарта – им обоим и что твоя любимая шекспировская пьеса – «Много шума из ничего»? Во имя неба,

успокойся. Твой успех превысил самые смелые надежды. Так воспользуйся им».

Каз поднял бокал:

– Я хочу предложить тост. Поскольку «за нас» звучит немного нарочито на этом этапе, я предлагаю выпить за здоровье вашего больного и его скорейшее выздоровление.

Ее рука дрогнула, несколько капель вина упало на юбку.

– Что вы имеете в виду? – спросила она хрипло.

Он удивился:

– Мне говорили, что вы вернулись в Лондон, так как кто-то из ваших родных заболел. Или Роб Веллингтон неправильно вас понял?

– Все так. – Тарн глубоко вздохнула и заставила себя улыбнуться. – Я не предполагала, что он поставит вас в известность.

– Роб считает, что вы можете оказаться очень ценным сотрудником, и боится, что мы лишимся вас. – Каз помолчал. – Вероятно, вы собираетесь вернуться в Штаты, когда все успокоится.

– Да, – ответила она. – Но это будет не скоро. Выздоровление идет слишком медленно.

– Это ваш близкий родственник?

– Не очень. – Она спокойно встретила его взгляд. – Это моя… кузина. Но у нее никого нет, кроме меня.

Это была почти правда – тетя Хейзел пока бесполезна.

– Мне очень жаль, – сказал Каз. – Вам, вероятно, приходится нелегко.

– Да, сначала было так, – ответила Тарн. И мысленно добавила: «Как ты смеешь говорить, что тебе жаль, если именно ты виноват в том, что случилось?» – Но я надеюсь, что худшее уже позади. Вы были правы насчет телятины, – весело заметила она, переводя разговор на другую тему. – Просто сказка.

– Значит, вы рискнете пообедать со мной еще раз?

О боже, из огня да в полымя!

Обдумывая ответ, Тарн отпила вина. Как вкусно!

– Не думаю, что это стоит делать. – Она позволила себе слегка пожать плечами.

– По вышеизложенной причине?

– Конечно.

– А не потому, что я физически вам неприятен?

Тарн откинулась на спинку кресла:

– Ну вот, теперь вы надо мной смеетесь.

– Ничуть. Я просто стараюсь выяснить важную для себя вещь. Итак?

– Возможно, нет, – тихо проговорила Тарн.

Она осознала, что Каз не просто намекает на чувственное удовольствие, а предлагает его как нечто неизбежное.

Слишком трудное предложение для такой неопытной женщины, как она.

О боже, что она делает? Может, она сошла с ума? Ведь ей известно, что он не выполнит ни одно обещание.

«Эви, Эви! – мысленно воскликнула Тарн. – Если он так же обращался с тобой, неудивительно, что ты упала в его объятия. Он способен заставить кого угодно поверить чему угодно».

Но она напомнила себе, что ей реальная опасность не грозит, ибо перед ее глазами стоит образ Эви в больничной палате. Стройное тело превратилось в скелет, когда-то хорошенькое личико осунулось. Этот образ служил ей лучшей броней в битве с мужчиной, который сейчас смотрит на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kreyven_sara/cena-mesti

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити